

N [=Муретов М. Д.] Библиография. [Рец. на:] Флавий И. Иудейские древности. [В 2-х томах / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900] // Богословский вестник 1900. Т. 3. № 12. С. 703—715 (2-я пагин.). (Продолжение.)

БИБЛИОГРАФІЯ.

І. Флавій Іосифъ—Іудейскія древности.

*Переводъ съ греческаго кандидата
восточныхъ языковъ Г. Г. Генкеля.
Въ двухъ томахъ. С.-Петербургъ. 1900.*

Посвящая свободное отъ прямыхъ обязанностей моихъ время изученію Скинни и ея принадлежностей, я познакомился съ нѣсколькими страницами только что изданнаго перевода на русскій языкъ Иудейскихъ Древностей Іосифа Флавія. Переводъ принадлежитъ специалисту—филологу, кандидату восточныхъ языковъ, Г. Г. Генкелю. Этотъ, на заглавномъ листѣ изданія выставленный, дипломъ переводчика очевидно имѣетъ претензію служить ручательствомъ какъ за *научную точность*, такъ и тѣмъ болѣе за *филологическую вѣрность* перевода. Но тѣ мѣста, какія пришлось мнѣ прочесть и сравнить съ подлинникомъ (нѣкоторые параграфы шестой главы третьей книги), показываютъ отсутствіе въ переводѣ г. Генкеля и *научной точности* и *филологической вѣрности*. Вотъ тому доказательства.

Первое. Въ III кн. 6-й гл. § 5 (по изданію Niese I pag. 185. § 134, строки 3—5) въ подлинникѣ читается: *γίνεται δὲ καὶ κιβωτὸς τῷ θεῷ ξύλον ἰσχυρῶν τὴν φύσιν καὶ σῆψιν παθεῖν οὐ δυναμένον· ἢ δ' ἐρωῶ μὲν καλεῖται κατὰ τὴν ἡμετέραν γλῶτταν.* Въ переводѣ г. Генкеля читаемъ (т. 1. стр. 152—153): „Для Господа Бога былъ затѣмъ воздвигнутъ кивотъ изъ прочнаго не поддающагося гніенію дерева, которое (?) на нашемъ языкѣ носитъ названіе эронъ“. И потомъ подѣ чертою дѣлается та-

кое примѣчаніе къ слову „эронъ“: „это—аравійская акація, единственная древесная порода на Синайскомъ полуостровѣ, которая достигаетъ такихъ объемовъ, что изъ нея можно получать доски“—и далѣе ссылка на извѣстный Handwörterbuch des Biblischen Alterthums für gebildete Bibelleser — von E. Riehm.

Здѣсь почти что ни слово то или неточность или невѣрность.

Неточности. Въ подлинникѣ только: *для Бога*, а не „для Господа Бога“,—въ подлинникѣ: *γίνεται—дѣлается*, а не „быть воздвигнуть“ (т. е. поднять вверхъ, возведенъ кверху, подобно монументу или зданію?). Точно также у Флавія нѣтъ прямого указанія на то, что ковчегъ былъ воздвигнуть „затѣмъ“, т. е. послѣ сооруженія скиніи. Употребленныя имъ частицы *δέ καί* означаютъ: „также и“,—не болѣе. Неточность эта получаетъ важность въ виду того, что въ законодательномъ отдѣлѣ о построеніи ковчега говорится ранѣе сооруженія скиніи (Исх. 25, 10 сл. ср. 26, 1 сл.), а въ исполнительномъ наоборотъ (Исх. 36, 8 ср. 37, 1). Такимъ образомъ Іосифъ преднамѣренно могъ не употребить „потомъ“ и выразиться неопредѣленно,—а потому навязывать ему въ переводѣ точный терминъ вмѣсто преднамѣренно неточнаго—будетъ неточностію перевода, граничащею съ невѣрностію.

Но гораздо, конечно, важнѣе допущенная въ переводѣ *грубая невѣрность*. Въ словахъ: „воздвигнуть былъ *кивотъ* изъ прочнаго.... *дерева, которое...* носить названіе „эронъ“—мѣстоименіе „которое“ конечно относится къ „дерева“, что усиленно подтверждается и въ примѣчаніи переводчика объ аравійской акаціи. Но такой переводъ возможенъ только *при незнаніи какъ греческою такъ и еврейскаго языковъ*. Въ греческомъ „*ἡ δ' ἐρων μὲν καλεῖται*“ *ἡ δ'* никоемъ образомъ не можетъ быть отнесено къ *ξύλον*—существительному средняго рода и стоящему во множественномъ числѣ,—оно очевидно относится къ *κιβωτός* жен. рода у LXX, въ новомъ Завѣтѣ, у Филона и здѣсь же у Флавія. Только незнаніе переводчикомъ рода существительнаго *κιβωτός*, не имѣющаго здѣсь при себѣ ни члена, ни другихъ какихъ либо внѣшнихъ признаковъ рода, и можетъ объяснить такую грубую невѣрность перевода, что будто бы „эронъ“ есть названіе породы (*ἡ φύσις*) дерева, изъ коего былъ сдѣланъ ковчегъ, а не самого ков-

чега. Слово *τὴν φύβιν* здѣсь стоитъ не въ качествѣ вѣднательнаго предмета при глаголѣ, а какъ самостоятельный вѣднательный или отношенія съ нарѣчнымъ почти значеніемъ при прилагательномъ *ἰσχυρόν*, то есть нельзя перевести такъ: „также и ковчегъ дѣлается Богу изъ породы деревъ крѣпкихъ и не подвергающихся гніенію, которая называется эронъ на нашемъ языкѣ“, а надо такъ: „также и ковчегъ дѣлается Богу изъ дерева крѣпкаго по природѣ и не подвергающагося гніенію, а называется онъ“... Переводъ г. Генкеля, кромѣ того, показываетъ въ переводчикѣ и незнакомство съ еврейскимъ названіемъ какъ самого ковчега — *אֲרוֹן*—*эрон* Иосифа Флавія, такъ и того дерева, изъ коего онъ былъ сдѣланъ—*שִׁטְמִים*—*шиттимъ*, а не „эронъ“. Или не смѣшиваетъ ли ужъ переводчикъ *אֲרוֹן* съ *אֲרֹן*, родств. съ *אֲרֹן*? Но и эта ошибка будетъ столь же, если не болѣе, грубою.

Итакъ, вмѣсто: „которое (т. е. дерево) носить на нашемъ языкѣ названіе эронъ“ надо: „а называется онъ (ковчегъ) на нашемъ языкѣ эронъ“.

Второй примѣръ: Въ томъ же параграфѣ, нѣсколько ниже (Niese § 136, строки 10—13), читаемъ: *καὶ καθ' ἑκάτερον διὰ τοῖχον τῶν ἐπιμηχεστέρων κρίκοι προσῆσαν χρυσοὶ δύο, τοῦ παντὸς διήκοντες ξύλου, καὶ δι' αὐτῶν ἔνετοι σκυταλίδες ἐπίχρυσαι καθ' ἑκάτερον τοῖχον*,—переведено у Генкеля (стр. 153): „у каждой изъ болѣе длинныхъ стѣнокъ кивота выступали (?) золотыя кольца, проходившія насквозь дерева; въ нихъ у каждой (продольной—sic?) стѣнки кивота были пропущены позолоченныя (деревянные) шесты“. Здѣсь, во 1-хъ, дважды вставлено совершенно ненужное, само собою предполагающееся и въ подлинникѣ не имѣющееся „кивота“,—во 2-хъ, опущено весьма нужное, въ библейско-археологическомъ отношеніи важное и въ подлинникѣ имѣющееся слово „дво“, указывающее, что на каждой изъ продольныхъ стѣнокъ ковчега было именно по два, а не по четыре или болѣе колець, — въ 3-хъ, переводъ одного и того же греческаго „*τοῖχον*“, въ одномъ и томъ же предложеніи, разными русскими словами: „стѣнъ“ и „стѣнки“ указываетъ на неряшливость перевода,—въ 4-хъ, греческое „*προσῆσαν*“ переведено неточно русскимъ „выступали“, указывающимъ на то, что кольца въ видѣ ушковъ выдавались изъ стѣнъ ковчега, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ говорить только о томъ, что *κρίκοι ὄντι, καὶ*

дѣлись, имѣлись на каждой изъ продольныхъ стѣнъ ковчега, такъ что получается возможность представлять эти *κρίκοι* въ видѣ просверленныхъ круглыхъ отверстій въ сплошномъ древесномъ массивѣ ковчега, въ кои вдвигались шесты для ношенія его (у Коссовича хотя и помѣчено значеніе „выступать“, но конечно не въ строгомъ значеніи „*προΐεσθαι*“, какъ читаютъ многіе кодексы,—а въ значеніи „*erant*“, какъ читаетъ древне-латинскій переводчикъ и какъ издаетъ Niese: переводчику, если онъ основывалъ свой переводъ на указанныхъ у Niese чтенійхъ, во всякомъ случаѣ слѣдовало бы мотивировать свой переводъ въ примѣчаніи,—и это тѣмъ болѣе, что онъ вообще не скупъ на всякаго рода примѣчанія, нужныя и ненужныя);—въ 5-хъ, неточенъ будетъ переводъ „проходившія (т. е. кольца) насквозь дерева“, ибо „*выступавшія*“ въ видѣ ушковъ на каждой продольной сторонѣ „золотыя кольца“ не могли „*проходить насквозь дерева*“,—очевидно здѣсь имѣются въ виду или *стержни колець*, проходившіе *чрезъ все дерево*, что и надо бы было пояснить въ скобахъ (такъ: „своими стержнями“),—или же рѣчь идетъ о сквозныхъ отверстіяхъ въ сплошномъ древесномъ массивѣ ковчега;—нехорошо, въ 6-хъ, по русски „*позолоченные*“ о деревянныхъ носильныхъ шестахъ, обложенныхъ золотомъ, т. е. золотыми пластинками, ибо термины „позолоченный, позолота, позолотить“ по русски имѣютъ особый смыслъ.

Третій примѣръ. Въ § 6-мъ той же главы и книги Niese § 142, стран. 186, строк. 15—16) греческое „*δέδεκα*“ переведено русскимъ „десять“ отчего получилась такая безсмыслица (на стр. 154): „были разложены другъ противъ друга рядами (*ἐπαλλήλων*—рядомъ другъ съ другомъ, въ два ряда) по шести штукъ десять опрѣсноковъ“ (надо: „*прѣсныхъ хлѣбовъ*“ въ отличіе отъ specialнаго *ἄζυμοι*“ о пасхальныхъ „опрѣснокахъ“,—притомъ это нѣмецкое „штукъ“ здѣсь лишнее и въ подлинникѣ не имѣющееся).

Четвертый примѣръ. Тамъ же § 4 (Niese § 130, стра. 184, стро. 6—8) о расположеніи покрыва, состоявшаго изъ десяти полотнищъ, каждое въ 28 локтей длины и 4 локтя ширины (весь покровъ слѣдовательно=40×28), надъ деревяннымъ остовомъ (домомъ) скиніи, имѣвшимъ 30 локтей длины и 10—локтевую ширину и высоту, сказано: „*εἶτα ὑπερτείνόμενα* (т. е. *φάρση*) *τοῦ ναοῦ τό τ' ἐφ' ὑπερθεῖν ἐσχίαζε καὶ τῶν τοίχων τοῦ*

κατὰ πλευρῶν καὶ κατόπιν ἐστῶτας ἀπὸ τῆς γῆς ὅσον πῆχυν ἀνέχοντα.
 Г: Генкель даетъ такой невозможный переводъ (стр. 152): „ихъ *настилали* (? полотно или покровы растягиваютъ, распростираютъ или разстилаютъ, а не настилаютъ) поверхъ святилища и они настолько закрывали также обѣ боковыя и заднюю стѣны, что свѣшивались *поверхъ земли* (?) *еще* (?) на одинъ локоть“. Выходить, что отъ покрова, за покрытіемъ трехъ стѣнъ скиини, оставался еще излишекъ въ одинъ локоть, который разстился или *свѣшивался поверхъ земли* (какъ это можно *свѣшиваться поверхъ земли*?!). Въ дѣйствительности же подлинникъ говоритъ совершенно противоположное: „Потомъ, когда ихъ растягивали (распространяли), они закрывали (освѣняли) какъ верхъ скиини (храма), такъ и по бокамъ и назадъ стоявшія стѣны, *не доходя до земли* (буквально: отстоя отъ земли) *около локтя*“. Понятно это. Двѣнадцативосьми—локтевой конецъ покрова лежалъ на десятилоктевой верхъ скиини и на двѣ десятилоктевыхъ боковыхъ стороны ея, причемъ часть покрова должна была пойти еще на четырех-пальцевую толщю боковыхъ стѣнъ, такъ что покровъ долженъ былъ не доходить до земли именно „около локтя—*ὅσον πῆχυν* (это *ὅσον*, притомъ, у г. Генкеля грамматически невѣрно переведено чрезъ „*насколько, что,*“ какъ будто бы оно равнялось здѣсь *ὅστε* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ). Также и сороколоктевой конецъ покрова, при тринадцатиллоктевой длинѣ скиини и десятилоктевой высотѣ задней ея стѣны (=40 л.), а также при известной толщѣ этой стѣны и особенно ея угловыхъ столбовъ, долженъ былъ не доходить до земли именно „около локтя“. Надо наконецъ принимать во вниманіе и серебряныя подставы стѣнъ скиини или ея брусевъ. Такимъ образомъ Іосифъ совершенно ясенъ и точенъ, тогда какъ г. Генкель даетъ намъ переводъ и грамматически невѣрный и логически безсмысленный.

Пятый примѣръ. Тамъ же нѣсколько выше (Niese § 124—125, стра. 183, стро. 3—8) о разноцвѣтной завѣсѣ, отдѣлявшей святое святыхъ отъ святилища и закрывавшей ковчегъ отъ взоровъ, сказано: „*κατεπετάνυσαν δὲ τὴν σκηρὴν ὑφ᾽ ἑσπέρου καὶ πρῶτον μὲν ἦν πῆχεων δέκα πανταχόθεν, ᾧ κατεπετάνυσαν τοὺς κίονας, οἳ, διαίρουστές τὸν νεδόν, τὸ ἔδυστον ἔρδον αὐτῶν ἀπελάμβανον.*“ Г: Генкель переводитъ (стр. 151): „скиинія была покрыта коврами“ — подумашь, что рѣчь объ одномъ изъ

покрововъ скиніи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Іосифъ говоритъ о „завѣсахъ“ Святаго Святыхъ и Святилища и переводъ долженъ быть таковой: „закрыли (или завѣсили) скинію (т. е. входы скиніи) завѣсами (или коврами)“ или: „повѣсили завѣсы во входахъ скиніи, повѣсили входные ковры“. Далѣе у г. Генкеля читаемъ: „первый коверъ... покрывалъ (?) заднюю часть скиніи *вплоть до тѣхъ колоннъ*, которыя отдѣляли переднюю часть святилища отъ Святаго Святыхъ“. Если покрывалъ заднюю часть скиніи (т. е. десятилоктевый кубъ *вплоть до колоннъ* входа во святое святыхъ, то опять въ переводѣ смѣшиваются покровъ и завѣсы скиніи. Въ дѣйствительности подлинникъ гласитъ: „и первый (коверъ)... которымъ завѣсили тѣ столбы, кои, раздѣляя скинію (на двѣ части), отдѣляли за собою (служили отдѣляющею средою, преградою) Святое Святыхъ (не приступное пространство)“.

Шестой примѣръ Тамъ же § 3 (Niese § 119, стран. 181 строк. 12—14): „ἀπλόγει ὁ τῶν κίωνων ἀριθμὸς· εἴκοσι γὰρ ἴσαν, καὶ παρεῖχε πλάτος—τρίτον σπιθαμῆς ἕκαστος αὐτῶν, ὥστε συμπληροῦσθαι τοὺς τριάκοντα πῆγεις ὑπ' αὐτῶν“. Пропускъ въ текстѣ здѣсь очевиденъ и самъ по себѣ (ибо не получается надлежащаго смысла) и притомъ онъ засвидѣтельствованъ древне-латинскомъ переводомъ: *ex lateribus autem erant tabulae numero viginti, quarum habebat latitudo mensuram unius et dimidii cubiti, altitudo tertiam partem palmae* ср. тутъ же восемью строками выше у Іосифа § 116: *εἰς δὲ πλάτος διεστῶτες πῆγείως τε καὶ ἡμίβους, τὸ δὲ βάθος δακτύλων τεσσάρων*), такъ что Низе, знакомый и нашему переводчику какъ „известный издатель и критикъ текста“ сочиненій Іосифа Флавія (см. 1-ю стран. примѣч.), нашель нужнымъ сдѣлать къ этому мѣсту такое примѣчаніе: „quare lacuna statnenda est“. Несмотря на все это, нашъ переводчикъ передаетъ греческій текстъ въ такомъ невозможномъ видѣ: „ширина каждого столба представляла третью часть *четыреехъ съ половиною аршинъ*“ (стр. 150). Ни съ того ни съ сего вдругъ взялись откуда-то *аршины* (это у Іосифа Флавія-то русскіе аршины?)! хотя и ранѣе и постѣ нашъ переводчикъ не стѣсняется ни локтями, ни ладонями, ни пальцами, ни даже *спиваами* (передавая греческое *σπιθαμῆ* русскимъ *спивамъ* — муж. рода вмѣсто: *спивама*). Правильный переводъ долженъ быть такой: „точно рассчитано было число столбовъ, ибо ихъ было двадцать и

каждый из них имѣлъ ширину въ полтора локтя и толщину (курсивомъ помѣченъ пропускъ) въ одну треть спиноамы“ (а спиноама=половинѣ локтя, какъ это явствуетъ изъ § 135—о ковчегѣ и § 139—о столѣ, по Niese,—при 24-пальцевомъ локтѣ $\frac{1}{3}$ спиноамы=4 пальцамъ, каковая толщина брусевъ указана и Иосифомъ нѣсколько выше),—или же можно исправить такъ: „имѣлъ ширину въ три спиноамы“ (= 1 $\frac{1}{2}$ локтямъ).

Седьмой примѣръ. Тамъ же въ началѣ параграфа (Niese § 115, стр. 180 стр. 20—22) слова Иосифа: τὴν δὲ σκητὴν ἵστησιν αὐτοῦ κατὰ μέσον τετραμῆνην πρὸς τὰς ἀνατολάς, ἵνα πρῶτον ὁ ἥλιος ἐκ' αὐτῆς, ἀνωγ, ἀφίη τὰς ἀκτῖνας — переведены такъ (стр. 149—150): „самую же скинiю Моисеи воздвигъ посреди двора, обративъ ее лицевою стороною къ востоку, для того чтобы лучи восходящаго солнца раньше всего могли проникать внутрь ея“, причемъ дѣлается внизу такое примѣчанiе (стр. 150, прим. 1): „Иосифъ тутъ ошибается, потому что входъ въ скинiю былъ закрытъ завѣсою, — срв. Riehm, 1562“. Кромѣ того что вмѣсто буквально точнаго и легко поддающагося русскому языку перевода мы встрѣчаемъ ничѣмъ не вынуждаемый, спротяженно сложенный и неуклюжii перифразъ,—авторъ обвиняетъ здѣсь въ ошибокѣ не Иосифа, а себя самого, т. е. свой собственный невѣрный переводъ словъ Иосифа. Въ буквально—точномъ переводѣ Иосифъ говоритъ слѣдующее: „скинiю же ставитъ посреди его (двора), лицомъ (обращенною) къ востоку, дабы солнце, при своемъ восходѣ, сначала на нее (ἐκ' αὐτῆς) изливало лучи свои“. Гдѣ же тутъ указанiе на то, что будто бы „лучи... могли проникать внутрь ея“? Кто же, слѣдовательно, „тутъ ошибается“?—Притомъ съ библейско-археологической точки зрѣнiя нельзя такъ рѣшительно утверждать, что „входъ въ скинiю былъ закрытъ завѣсою“ настолько, чтобы лучи восходящаго солнца (обычно скинiя ставилась на вершинахъ холмовъ) „не могли раньше всего проникать внутрь ея“, ибо яснаго указанiя на это въ Библии нѣтъ, а самъ Иосифъ закрываетъ разноцвѣтною завѣсою только верхнюю половину (5 локтей) 10-локтеваго входа въ скинiю, оставляя нижнюю половину входа, въ 5 локтей высоты, открытою и для священнослужителей и для лучей солнечныхъ (§ 4, Niese § 127).

Восьмой примѣръ. Въ § 4-мъ той же главы (Niese § 129,

стр. 184, стр. 1—3): „ὅθεν δὴ παρέμεινε τὸ ἔθος καὶ τὸν τρόπον οἰκοδομησάμενον ἡμῶν, ὥστε τὴν συνθήκη τοιοῦτότροπον περιχειρῆσαι ταῖς εἰσόδου“, переведено (стр. 152): „отсюда и у насъ возникъ обычай при построеніи храма устроить такого же рода завѣсы у входа“,—лучше: „отсюда-то остался обычай и по построеніи храма (скинии) у насъ вѣшать во входахъ (домовъ) такую же завѣсу“.

Въ заключеніе—нѣсколько образцовъ собственныхъ толкованій и примѣчаній переводчика, изъ тѣхъ же самыхъ страницъ.

Къ приведеннымъ въ началѣ седьмага примѣра словамъ Иосифа Флавія: „τὴν δὲ σκητὴν ἵστησιν αὐτοῦ (т. е. τοῦ περιβόλου—ограды или двора, окружавшаго скинію) κατὰ μέσον“ переводчикъ (стр. 149—150, прим. 2) дѣлаетъ такое примѣчаніе: „это безусловно невѣрно: по свидѣтельству Библии (?) и Филона разстояніе между входомъ во дворъ и входомъ въ скинію было ровно вдвое больше, чѣмъ разстояніе отъ входа въ скинію до западной стороны ограды, такъ что святилище занимало послѣднюю треть всего огороженнаго пространства“. *Безусловно невѣрно все это, сказанное переводчикомъ.* Выраженіе Иосифа *κατὰ μέσον αὐτοῦ*—по срединѣ ограды—развѣ указываетъ непремѣнно на математически точную средину продолговатаго четырехугольника двора въ 50 локтей ширины при 100 локтяхъ длины? Библия, затѣмъ, нигдѣ точно не указываетъ того мѣста, какое занимала скинія на четырехугольной площади двора, употребляя о дворѣ такое же общее выраженіе *савив ламмишкан*—*кругомъ скинии* (Исх. 40, 8. 33), какъ и Иосифово *κατὰ μέσον αὐτοῦ*—по среди его (двора).—Да, наконецъ, и Филонъ, помѣщающій скинію на разстояніи 20 локтей отъ западной, сѣверной и южной сторонъ двора и на 50 локтей—отъ восточной, употребляетъ совершенно сходственное съ Иосифомъ выраженіе: „*μέση μὲν ἵδρυτο σκητῆς* (Vita Moysis, III, 7 ed. Mangey, II, 149).

Относительно указанной Иосифомъ и въ Библии не обозначенной толщины брусевъ скининъ въ четыре пальца (§ 3. Niese § 116) переводчикъ замѣчаетъ (стр. 150, прим. 2): „это тоже невѣроятно. Срв. Riehm I. с. р. 1565, гдѣ приводится исчисленіе, что въ такомъ случаѣ тяжесть каждаго столба была бы не менѣе 12 центнеровъ, что не согласуется съ указаніями въ кн. Числ. VII, 1—9“. Но переводчикъ совѣмъ

не понялъ подитованнаго изъ словаря Рима мѣста, гдѣ тяжесть въ 12 центнеровъ, высчитанная Кампгаузеномъ, при *однолоктевой толщинѣ* бруса, сравнивается съ датою Числ. 7, 1—9. У Иосифа же напротивъ тяжесть бруса, при четырехпальцевой толщинѣ, *уменьшается въ шесть разъ* (при локтѣ въ 24 пальца), а слѣдовательно вѣроятность даты Иосифа увеличивается предъ раввинскою датою (1 локоть) пропорціонально уменьшенію у него толщины брусевъ (1 локтя) предъ раввинскою локтевою толщиною ихъ. За Иосифа, кромѣ того, говорятъ и древніе переводы, называющіе брусья „*досками*“—*tabulae* Вулг. *σπίδες* Ак. Сим. Θεод. 727 Онк. Сир. Ефр. 277 Пеевдоюн. Иерус. и Самар. (Флавій *κίονες*, но съ указаніемъ толщины, Филонъ—тоже, но безъ указанія толщины, а LXX *στῦλοι*—не точно).

Совершенно невѣрно Иосифовъ и Библейскій „локоть“ г. Генкель приравниваетъ къ нашему „аршину“ и полтора локтя считаетъ „*въ полтора аршина*“ (стр. 150, прим. 4), а слова Иосифа: „*ἐκ πύχους τετραγώνου*“, т. е. два задніе угловые столба, передаетъ: „*въ поларшина ширины*“. Локоть равенъ не аршину, а ок. 11 (483, 9 милл.) вершкамъ. Да и къ чему тутъ аршины, вмѣсто локтей, ладоней или спичамъ и пальцевъ подлинника? Странно также въ дальнѣйшихъ словахъ: „*которые были устроены совершенно также, какъ и всѣ прочія планки (?)*“. Но Иосифъ употребляетъ терминъ: „*столбы—κίονες*“, а не „*планки*“. Развѣ можно назвать „*планками*“ такіе массивные брусья, изъ какихъ, по Иосифу, состояли стѣны скинии?

Но довольно этихъ неточностей и невѣрностей. Мы не имѣемъ ни времени ни охоты править переводъ г. Генкеля. Попавшіеся намъ случайно, безъ преднамѣренныхъ искаженій съ нашей стороны, примѣры на шести только печатныхъ страницахъ (149—154) даютъ видѣть, какой характеръ имѣетъ переводъ Древностей Иосифа Флавія, сдѣланный кандидатомъ восточныхъ языковъ г. Генкелемъ. Если бы даже подобныхъ неточностей и невѣрностей на всѣхъ прочихъ страницахъ двух-томнаго изданія было въ пропорціи на десять кратъ меньшей, чѣмъ на разсмотрѣнныхъ шести страницахъ (что однакоже весьма и весьма сомнительно, въ виду характера указанныхъ примѣровъ: вѣдь *ex ungue leonem!*): то и въ такомъ случаѣ для *научныхъ цѣлей* переводъ г. Ген-

беля надо употреблять съ *крайнею осторожностію*, а еще лучше—*совсѣмъ не употреблять*.

Такія неточности и невѣрности въ переводѣ г. Генкеля тѣмъ менѣе оказываются извинительными, что по приведенной у него изъ Bibliotheca Iudaica Fürst'a 1. 118—132 справкѣ, до 1849 года было издано 35 переводовъ Іосифа Флавія на латинскій языкъ, 16—на нѣмецкій, 9—на французскій, 15—на итальянскій, 11—на англійскій и пр. и даже 1—на русскій языкъ,—кромѣ 93 сочиненій на разныхъ языкахъ, посвященныхъ объясненію трудовъ Флавія (т. II, Прилож. стр. XXXII, прим. 1). Есть по чему провѣрить новый переводъ и разрѣшить недоумѣнія!

Но, повидимому, переводчикъ отнесся ко всѣмъ этимъ переводамъ и сочиненіямъ также, какъ къ старому русскому переводу, о коемъ онъ заявляетъ: „русскій переводъ Флавія является теперь впервые,—вышедшаго въ концѣ прошлаго вѣка нельзя принимать во вниманіе уже потому, что онъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ латинскаго языка“ (ibid.). Но такое сужденіе могъ бы высказать, пожалуй, только составитель *хорошаго перевода* Іосифа Флавія съ подлинника,—*плохой же* переводъ съ подлинника хуже хорошаго перевода на русскій языкъ съ порядочнаго перевода латинскаго.

А что старыи русскій переводъ Іудейскихъ Древностей Флавія, сдѣланныи съ хорошаго латинскаго перевода, все же лучше новоизданнаго перевода, съ греческаго подлинника,—тому доказательствомъ служить болѣе точный и болѣе правильный переводъ въ немъ выше приведенныхъ мѣстъ, переданныхъ у г. Генкеля или неточно или невѣрно.

Такъ слова Іосифа, приведенныя въ первомъ примѣрѣ, древній переводчикъ („Іосифа Флавія Древности Іудейскія, Съ Латинскаго на Россійскій языкъ предложенныя придворнымъ священникомъ *Михаиломъ Самуйловымъ*. Ч. 1. СПб. 1779 г.“) передаетъ (стр. 127) *толку правильно* и, за исключеніемъ начала („*по сооруженіи*“), довольно точно: „по сооруженіи такимъ образомъ Скинии, сдѣланъ былъ Кивотъ Богу, изъ деревъ твердыхъ и не гниющихъ, на природномъ нашемъ языкѣ *Еронъ* называемый“. Второй примѣръ: „на обоихъ же бокахъ, простирающихся въ длину, привѣшены (?) были по два златяга кольца, *коихъ винты проходили* сквозь все дерево“ (стр. 127), — кромѣ про-

пзвольного „привѣшаны“ — прочее лучше, чѣмъ у г. Генкеля. Третій примѣръ (стр. 128): „на трапезѣ полагалися дванадесять прѣсныхъ хлѣбовъ по шести въ рядѣ одни противъ другихъ“—безусловно лучше г. Генкеля. Четвертый примѣръ (стр. 126): „они (полотнища, составлявшія покровъ скиніи), будучи разпростерты, покрывали поверхность Скиніи, обѣ боковыя и заднюю стѣны, и на одинъ только футъ (=локоть подл.) до земли не досязали“ — безусловно лучше г. Генкеля. Пятый примѣръ (ibid.): „первая (завѣса)... ограждала (закрывала) столпы, стоящіе поперекъ храма и заключающіе (отдѣляющіе) неприступное мѣсто“—то же. Шестой примѣръ (стр. 125): „всякая тѣсница (= доска) имѣла полтора локтя въ ширину и въ толстоту четыре дюйма“ (=пальца). Седьмой примѣръ (стр. 124): „скинію же поставилъ Моисей въ срединѣ двора лицомъ на востокъ, дабы солнце при самомъ своемъ восхожденіи лучами своими ону озаряло“. Восьмой примѣръ (стр. 126): „для чего (=почему) и по построеніи уже храма сіе обыкновеніе у насъ осталось, чтобы при входахъ вѣшати таковую завѣсу“. Можно сравнить также „тѣсницы“ (доски) стараго перевода и „планки“ новаго. Или въ самомъ началѣ Древностей (I. 1. 2 Niese § 34): *καὶ δὴ καὶ φυσιολογεῖν Μωυσῆς μετὰ τὴν ἐβδόμην ἡρξάτο περὶ τῆς τὰνθρώπου κατασκευῆς λέγων οὕτως*“, — новый: „послѣ (описанія) седьмого дня Моисей *переходитъ (?) на почву (?) естественнo-историческую*“ (? что такое? откуда переходитъ и какая такая почва?!),—старый: „послѣ седьмого дня приступилъ Моисей къ истолкованію естества, предлагая“... надо: „приступилъ къ описанію природы“. Ibid: „*ἐπὶ τῆς πυρρᾶς γῆς... τοιαύτη γῆρ*“ у Генк: „изъ красной глины (?): такого именно *состава* (?“... Сам.: „изъ земли (лучше) *красноватой* (лучше), ибо такого *цвѣта*“ (правильнѣе). Тамъ же въ концѣ параграфа толкуется значеніе имени „Ева“: „*πᾶντων* (рпк. приб. *τῶν ζῶντων*) *μητέρα*“ Генк: „мать *всего живаго*“,— Сам.: „матерью *всѣхъ живущихъ*“ (т. е. людей, а не всего вообще живого). Тамъ же § 4 (Niese § 41): *ὄφις συνδιατρώμενος τῷ τε Ἀδάμωρ*“, Генк: „бывшая въ *дружелюбныхъ* (?) съ Адамомъ... *отношеніяхъ* (?) змѣя“, — Сам.: „змій, имѣющій всегдашнее съ Адамомъ обращеніе“, т. е. „сожителствовавшій съ Адамомъ“. Тутъ же, встѣдъ за симъ (Niese § 42): „*μαχάριον καὶ μὴδὲν ἀπολείποντα τοῦ θεοῦ διάξεν βίον*“, Генк: „поведутъ

жизнь *болѣ* (?) счастливую и ни чѣмъ не отличающуюся отъ *бытія* (?) самого Господа Бога“, — Сам: „блаженную и божественную жизнь имѣти будутъ“, — то есть: будутъ проводить жизнь блаженную и ничѣмъ не уступающую божественной.

Приводя эти, случайно намъ попавшіеся, примѣры, мы вовсе не хотимъ возводить переводъ свящ. Самуйлова въ образецъ совершенства и утверждать отсутствіе въ немъ многихъ и существенныхъ недостатковъ. Уже то одно, что сдѣланъ онъ съ латинскаго, притомъ тоже не безупречнаго, перевода, а не съ греческаго подлинника, лишаетъ его права на научность. Мы желаемъ этими примѣрами только выразить свое удивленіе тому, что *во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ* старый переводъ съ латинскаго *впрямѣ и лучше* новаго перевода съ греческаго. А потому новый переводчикъ, по крайней мѣрѣ въ приведенныхъ примѣрахъ, не имѣлъ никакого права „не принимать этотъ переводъ во вниманіе“.

Да и вообще всякій предшествующій трудъ, будетъ ли то переводъ или изслѣдованіе, какого бы научнаго уровня онъ ни достигалъ,—такъ или иначе оказываетъ подспорье послѣдующимъ работникамъ по тому же предмету. Въ частности переводы предшествующіе всегда могутъ быть полезны для послѣдующихъ переводчиковъ уже по одной фразеологій и терминологій, не говоря о другомъ многомъ. Странно поэтому звучитъ и неопытностью или даже заносчивостію новичка отзывается это „нельзя принимать во вниманіе уже потому, что онъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ латинскаго языка“. Ну, а латинскій-то переводъ, сдѣланный съ подлинника, тоже „нельзя принимать во вниманіе“?!... Такимъ образомъ переводчикъ наказалъ самъ себя. Вотъ именно вслѣдствіе этого-то „нельзя принимать во вниманіе“ и вышло то, что въ вышеприведенныхъ примѣрахъ переводъ, явившійся въ концѣ прошлаго вѣка, сдѣланный съ латинскаго перевода и не оріенталистомъ оказывается несравненно лучше перевода, явившагося въ концѣ настоящаго вѣка, — по заявленію заголовка, сдѣланнаго съ греческаго подлинника и принадлежащаго кандидату восточныхъ языковъ.

Впрочемъ, въ виду нелегкости перевода Флавія на русскій языкъ, мы вполне цѣнимъ трудъ г. Генкеля и желаемъ ему

возможно широкаго распространенія среди образованной публики. Вѣдь для научнаго пользованія никакой переводъ не можетъ замѣнить подлинника, а для общаго ознакомленія образованныхъ читателей съ сочиненіями Іудейскаго историка переводъ г. Генкеля вполне пригоденъ не только по изложенію современною русскою рѣчью текста Флавія, но и по многочисленнымъ, и нерѣдко весьма цѣннымъ въ научномъ отношеніи, пояснительнымъ къ нему примѣчаніямъ. Своими критическими замѣчаніями мы желаемъ только побудить переводчика, при слѣдующемъ изданіи труда, отнестись со всею подобающею строгостью къ пересмотру и правкѣ перевода столь важнаго во всѣхъ отношеніяхъ памятника.

N.

